

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

С. М. Марчукова
(Санкт-Петербург)

ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПАНСОФИЙНОСТИ В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ Я. А. КОМЕНСКОГО

В статье анализируется развитие идеи пансофийности на разных этапах становления педагогического наследия Коменского. Раскрывается логика формирования пансофийности как универсальной педагогической идеи и основные принципы пансофийности – эвристичности, междисциплинарности, многомерности, метафоричности

Идея пансофийности, предполагающая единство и целостность разных способов познания мира, сформировалась как универсальная педагогическая идея в педагогическом наследии Я. А. Коменского (1592–1670). **Актуальность** обращения к идее пансофийности обычно определяется характерным для современной педагогики возрастанием интереса к проблеме *целостности* как одной из ведущих тенденций развития образования.

Сравнительно-сопоставительный анализ комениологических текстов позволяет сделать вывод о том, что идея пансофийности постоянно разрабатывалась, углублялась и развивалась на протяжении всей жизни Коменского (табл.).

Сам Коменский пишет в автобиографии о начале формирования пансофической идеи в своем творчестве примерно в 1628 г., связывая его с работой над сочинением «Предвестник пансофической мудрости» [1, т. 1, с. 30]. Однако уже в ранних его работах, прежде всего – в сочинении «Энциклопедия всеобщей мудрости» («Theatrum universitatis rerum», 1611–1614) можно проследить начала пансофии: эта работа явилась «первым штрихом к портрету Коменского как педагога, эскизом последующей пансофии» [6, с. 65].

Пытаясь осуществить замысел своей энциклопедии, отражающей устройство мироздания, Коменский обращается здесь к обра-

зу театра, имеющему глубокие корни как в европейской культуре в целом, так и в образовательных предпосылках начала Нового времени. По мере становления педагогической системы Коменского театр становится его излюбленным *дидактическим приемом*, демонстрируя единство пансофии и дидактики. К образу театра он постоянно возвращается в своих сочинениях: «Школа могла бы служить театром вселенной» («Великая дидактика»); «Все мы, посланные в мир, восседаем в общем театре» («Предвестник всеобщей мудрости»). В 1653–54 гг. Коменский заканчивает работу над «Школой – театром» – драматическим вариантом знаменитого учебника «Открытая дверь языков».

В своем основном пансофическом сочинении «Всеобщий совет по исправлению дел человеческих» он пишет об «амфитеатре телесного мира», о «театре внутри человека», представляет мир, ум и слово Божие как «три театра, три закона, троякий источник мудрости». В этих образах находит отражение процесс формирования *многомерности* как одного из основных принципов идеи пансофийности.

Сочинение «Лабиринт света и рай сердца» («Labyrint sveta a raj srdce»), 1623, далее – «Лабиринт света»), написанное в разгар Тридцатилетней войны и изданное в 1631 г., занимает особое место не только в становлении пансофической идеи и формировании мето-

Т а б л и ц а

Этапы развития идеи пансофийности в педагогическом наследии Я. А. Коменского

№	Этапы развития идеи пансофийности	Основные сочинения	Сопутствующие сочинения
1	Становление идеи пансофийности в ранних сочинениях (до 1628 г.)	«Энциклопедия всеобщей мудрости» «Лабиринт света и рай сердца»	«Центр безопасности» «Театр всех вещей»
2	Изложение теоретических основ и метода воплощения идеи пансофийности	«Предвестник пансофической мудрости» «Великая дидактика»	«Объяснение пансофических усилий» «Аналитическая дидактика»
3	Отражение развития идеи пансофийности в учебниках и «панметодических» книгах	«Физика» «Мир в картинках» «Пансофическая школа» «Похвала истинному методу»	«Открытая дверь языков» «О культуре природных дарований» «О пользе точного наименования вещей» «Школа-игра»
4	Завершение формирования идеи пансофийности как методологического фундамента педагогического наследия Коменского	«Всеобщий совет по исправлению дел человеческих»	«Единственно необходимое» «Крики Или» «Путь свет» «Ангел мир»

дологических оснований педагогического наследия Коменского, но и в истории Богемского братства, в истории чешской литературы. Это сочинение можно назвать прологом пансофии, введением в пансофическое знание. Такая преюмственность проявляется уже на первых страницах текста. «После мучений и колебаний душой, – пишет Коменский от имени Странника, – я пришел к тому заключению, что прежде всего нужно *посмотреть все человеческие дела (курсив мой – С. М.)*... и, сравнив разумно одно с другим, выбрать себе положение» [1, т. 1, с. 76]. Здесь читатель имеет возможность почувствовать единую логику формирования идеи пансофийности в сочинениях Коменского: его основное пансофическое сочинение «Всеобщий совет по исправлению дел человеческих» уже своим названием возвращает читателя к описанию «дел человеческих» в «Лабиринте света».

Один из существенных аспектов значения ранних пансофических сочинений Коменского для формирования пансофической идеи в его педагогическом наследии заключается в том, что в качестве педагогического принципа здесь получает свое развитие *метафоричность*, отразившая возможность литературы универсально охватывать явления, ставшая впоследствии одним из основных принципов идеи пансофийности, делает «Лабиринт света» явился одним из первых в педагогике Но-

вого времени сочинением, определившим «самоценность художественно-образного педагогического знания» (А. С. Роботова), средством становления которого являются не научно-теоретические конструкты, а художественные образы, воплощающие в себе знание «вероятное, проблематичное, ценностное, диалогическое, в значительной степени интуитивное», способное выполнять проективную, прогностическую, гуманитарно-оценочную и герменевтическую функции» [4, с. 33–34]. Таковы образы Странника, Всеведа и Обмана, Мудрости и Смерти, а также многих других персонажей «Лабиринта света».

Из сопутствующих сочинений этого периода необходимо выделить написанное уже в 1622–1625 гг. и изданное в 1633 г. «Средоточие обеспеченности» («Центр безопасности»). Коменский пишет: «Пусть предлагаемое мною крошечно, наподобие центральной точки (круга), однако я предлагаю основу вечной обеспеченности» [1, т. 1, с. 635]. В этом труде автор впервые рисует «дерево мудрости», так называемого живого цельного знания, и этот образ так или иначе входит затем во все последующие проекты пансофии.

«Предвестник пансофической мудрости» («Pansophiae prodromus», далее – «Предвестник», 1637) и «Великая дидактика» («Opera Didactica Omnia», 1657) объединены в нашем исследовании, хотя публикации этих сочине-

ний разделяет около 20 лет. Работа над этим произведением шла параллельно: в текст «Предвестника» было включено название глав «Великой дидактики» (ВД). Пансофия, являясь отражением мира, показывая его единство и структурированность, является предпосылкой единства и структурированности знания о мире. Коменский пишет в «Предвестнике»: «Пансофией я называю то, что могло бы служить живым отражением мира – отражением, где все было бы друг с другом связано, друг друга поддерживало, было бы друг другу плодотворно» [1, т. 1, с. 496–497].

Единство разных способов познания мира с помощью чувства, разума и Откровения способствует достижению *целостности педагогического мышления*, единству теоретических и практических образовательных задач. «Ни у кого, – пишет Коменский в «Великой дидактике», – образование не является *целостной совокупностью* (курсив мой – С.М.) знаний, которые друг друга поддерживают, подкрепляют и обогащают» [там же, с. 357].

В эпоху мировоззренческого и межконфессионального раскола пансофия стала прообразом *междисциплинарного* знания. Необходимо, пишет Коменский в «Предвестнике», «чтобы из всех отдельных наук образовалась, наконец, единая, всеобъемлющая наука наук и искусство искусств, т.е. пансофия <...> Путем наук и искусств мы должны идти ко всеобщему познанию вещей, к пансофии» [1, т. 1, с. 480, 501]. Идея пансофийности была призвана устранить раздробленность и столкновение между отдельными науками и научными отраслями, которые в XVII столетии испытывали тенденцию к обособлению, к дифференциации.

Коменский пишет в «Предвестнике»: «Каждая отрасль знания отмежевала себе особое царство, не считаясь с общими, достоверными и незыблемыми основаниями и законами, равно связующими все <...> Одни хотят изучать природу вещей, оставаясь невеждами в математике; другие – наоборот. Некоторые хотят быть нравственными философами, ничего не смысля в философии природы <...>. И разве ветви мудрости можно оторвать одну от другой, сохраняя невредимой их жизнь?» [1, т.1, с. 482]. Эта цитата дает представление о *пансофическом характере междисциплинарности*. Междисциплинарность и многомерность формируются здесь как основные принципы идеи пансофийности. Они дополняются метафоричностью, характерной

уже для ранних сочинений Коменского – поэта и филолога, писателя и публициста. *Метафоричность* как один из основных принципов идеи пансофийности способствует:

- совместимости понятий и терминов, принадлежащих разным *дисциплинам*;
- формированию *многомерности* педагогического мышления, его вертикальной направленности;
- *перекодировке* понятий, принадлежащих разным областям знаний.

Из сопутствующих сочинений этого периода следует выделить прежде всего сочинение «Аналитическая дидактика» («Новейший метод языков»), в котором автор уточняет терминологию и структуру пансофии, её понятийный аппарат, останавливаясь на «правильно обнаруженных общих понятиях, которые дают нам законы разумного обучения» [1, т. 1, с. 528–529].

Первый учебник Коменского «Открытая дверь языков», который создавался в 1629–1631 гг. одновременно с «Материнской школой» и «Великой дидактикой», принес ему известность. Он был переведен на многие языки и стал единственным сочинением, вышедшим на родине при жизни автора. Содержание и структура этого учебника не только в корне изменили характер и методику изучения языка, как это обычно отмечают, но и отразили определенный *этап развития идеи пансофийности* в педагогике Коменского. «Коменский предлагает реформировать методы изучения языков, развивая идею пансофийности в области педагогики», – пишет Д. Чапкова [5, с. 23]. Главное достоинство «Открытой двери языков», как и всего цикла учебников Коменского, состоит в *целостном представлении* о вещах, составляющих совокупность материального, душевного и духовного мира.

В соответствии с культурной ситуацией первое место среди новых предметов, предложенных Коменским, занимает физика, именно ей отводит он одну из ведущих ролей в учебном плане латинской школы. Курс «История естествознания», введенный Я. Коменским во второй класс латинской школы, в то время заключал в себе не столько исторический путь развития науки, сколько своеобразную *энциклопедию знаний о природе*. Сведения об этом содержала физика. Отсюда название второго класса – «физический».

Учебник Коменского «Физика» (полное название – «Physicae ad lumen divinum reforma-

tae synopsis» – «Обозрение физики, реформированной божественным светом», 1633) имел не меньший успех, чем «Открытые ворота языков» и «Великая дидактика». Разные авторы отводят «Физике» особое место в формировании пансофической идеи Коменского [3, с. 95–99]. По замечанию П. Блонского, «Физика» представляет собой «философское обоснование педагогики Коменского» [Там же].

В этом учебнике Коменский стремился воплотить владевшее им со студенческих лет стремление объединить все знания в *единую, целостную, упорядоченную систему*, которая, как отмечает автор, не отличается «запутанной утонченностью», какую могли бы усвоить «только острые и уже опытные в изучении вещей умы». Она будет до такой степени ясной и доступной, что усвоить её смогут даже восьмилетние дети [1, т. 1, с. 520].

Сравнительно-сопоставительный анализ текстов Коменского позволяет сделать вывод о том, что содержание «Физики» наглядно иллюстрирует:

– тезис из «Великой дидактики»: «всё устроено свыше для гармонии так, чтобы всё высшее могло быть представлено низшим, отсутствующее – присутствующим, невидимое – видимым» (XX, 2).

– связь физики и этики, характерную для научных программ преддверия Нового времени;

– представления Коменского о пансофии как «медицине для человечества», способной дать средства исцеления болезней тела, души и духа [3, с. 97].

Если «Физика» занимает особое место среди учебников Коменского 1620–30-х гг., отражающих развитие идеи пансофийности в его педагогическом наследии, то среди более поздних, несомненно, следует выделить его энциклопедию «Мир чувственных вещей в картинках», изданную спустя 25 лет после «Физики».

В 1658 г. в Нюрнберге была издана книга Коменского «Мир чувственных вещей в картинках» («Orbis Sensualium Pictus», далее – «Мир в картинках»), которая наряду с «Открытой дверью языков» принесла автору мировую славу и надолго стала образцом учебников такого рода. Коменский был не только автором текста, его перу принадлежали и многочисленные иллюстрации. В предисловии он называет это сочинение «Энциклопедией видимого мира». Для выявления идеи

пансофийности как методологической основы «Мира в картинках» необходимо отметить отражение в этом учебнике *единой и целостной системы* универсальных взаимосвязей всех вещей в мире.

По точному замечанию А. Тремла, три сочинения Коменского – «Мир в картинках», «Великая дидактика» и «Лабиринт света» – стали классикой не потому, что показывают, как должно быть, учат тому, что «правильно», а потому, что они демонстрируют движение разных соотношений формы и содержания внутри единой пансофической идеи [7, с. 873].

В «Великой дидактике» Коменский пишет о необходимости «панметодических» книг для преподавателей, позже в том же сочинении эти книги названы «общеметодическими» [1, т. 1, с. 471–472]. В конечном счете успех всего дела зависит, по его мнению, от существования этих книг и пособий. Разъясняющие и дополняющие положения «Великой дидактики», эти панметодические книги были созданы в Венгрии в 1650–1654 гг. и апробированы в Сарос-Патоке (Шарош-Патоке) [3, с. 99–104]. Для целей выявления *развития идеи пансофийности* в панметодических книгах Коменского, по нашему мнению, наиболее важны две: «Пансофическая школа» и «Похвала истинному методу». Необходимо отметить и значение «Школы – игры» для *формирования категориального аппарата* педагогической системы Коменского, его «пансофического лексикона».

Сочинение Коменского «Пансофическая школа» (1651) – одна из его основополагающих работ, отражающая практический аспект «пансофически обоснованной теории образования и воспитания» [1, т. 1, с. 483]. В этом панметодическом сочинении, опубликованном в полном собрании сочинений в Амстердаме (1657), наиболее ярко прослеживается:

– уточнение и разъяснение разных аспектов синтетического метода, изложенного в «Великой дидактике»;

– формирование *эвристического метода обучения*, целью которого является познание назначения и способа применения вещей, способность применения знаний в новых ситуациях [1, т. 2, с. 486];

– внимание к *практическим вопросам формирования единого и целостного процесса обучения*, в котором воплощено параллельное изучение слов и вещей в соответствии с тройным правилом «Великой дидактики»: пер-

вичное – раньше остального; более важное – раньше менее важного; имеющее связь – одновременно [1, т. 1, с. 398].

В соответствии с методом Коменского, предполагавшим приоритет синтеза перед анализом, в его творчестве назревала необходимость работы над обширным трудом, раскрывающим замыслы, всеобъемлющий характер которых по-настоящему был виден только ему самому. «Труд, над которым я работаю, несет название «Всеобщий совет об улучшении человеческих дел» [1, т. 2, с. 509]. Это сочинение подвело итог пансофическим устремлениям Коменского и во многом определило педагогический потенциал как идеи пансофийности, так и педагогического наследия Коменского в целом.

Суть духовных исканий Коменского, отраженных во «Всеобщем совете», состоит прежде всего в единстве теоретических и практических образовательных задач, обращенных к каждому конкретному человеку. Изложение целей и замысла «Всеобщего совета» раскрывает принципиальную незавершенность процесса развития идеи пансофийности в истории педагогической мысли.

Третья часть «Всеобщего совета», «Пансофия», наиболее важна для анализа развития идеи пансофийности в педагогическом насле-

дии Коменского. Здесь В автор формулирует и обосновывает *чрезвычайно важный с точки зрения развития идеи пансофийности* и её современного педагогического потенциала тезис о «трех ступенях достоверного знания: эмпирической, эпистемической и эвристической» [1, т. 2, с. 354]. Этот тезис, который многократно разъясняется, дополняется и иллюстрируется в сочинениях Коменского разных лет, является *методологическим мостом* от его педагогического наследия к основаниям современных педагогических теорий. Он способствует решению актуальной проблемы выявления *эвристического потенциала педагогического наследия Коменского, сформированного в русле идеи пансофийности*.

Таким образом, пансофийность как универсальная педагогическая идея Коменского, предполагает единство и целостность разных способов познания мира. Выявление этапов её развития раскрывает процесс становления её основных принципов – эвристичности, междисциплинарности, многомерности и метафоричности. Эти принципы, осмысленные в социокультурной ситуации современного мира, способствуют раскрытию эвристического потенциала педагогического наследия Коменского, достижению целостности миропонимания.

Л и т е р а т у р а

1. Коменский Я. А. Избранные педагогические сочинения. В 2-х т. – М.: Педагогика, 1982.
2. Красновский А. А. Ян Амос Коменский. – М., 1953.
3. Марчукова С. М. Идея пансофийности. Генезис, развитие, педагогической потенциал : моногр. – Саарбрюккен : Lambert . – 2011.
4. Роботова А. С. Художественно-образное познание педагогической действительности средствами литературы. : автореф. дис. ...д-ра пед. наук. – СПб., 1996. – 38 с.
5. Capkova D. Opera didaktika omnia J. A. Komenskeho. Praha ; Prerov, 2007.
6. Schaller K. Johann Amos Comenius. Ein pädagogisches Porträt. Weinheim, Basel, Berlin, 2004.
7. Treml A. K. Die utopische und reale Dimension in den Schriften des Johann Amos Comenius // Comenius und der Weltfriede. Deutsche Comenius – Gesellschaft Berlin. 2005. S. 858–873.

